

Я. С. Яскевич

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

В социальной философии сформировались две исследовательские модели, по-разному трактующие задачи и предназначение философской рефлексии относительно анализа общества, человеческой истории и человека как субъекта социокультурного взаимодействия: ценностно-нормативная социальная философия и научно-рефлексивная социальная философия. В рамках первой модели, начиная от платоновского идеального государства, утопических идей социализма, идеологии коммунизма и до философских концепций Ф. Ницше, П. Сорокина, Н. А. Бердяева и др., предпочтение отдается обоснованию желаемых форм общественного устройства и норм достойного существования в истории, предназначения истории как соответствующей высшей ценности человеческого бытия, что позволяет рассматривать понимаемую в таком ракурсе философию как ценностно-ориентированное самосознание различных эпох человеческой истории. В рамках же второй модели — научно-рефлексивной модели социальной философии, акцент делается на анализ сущности социальной реальности как подсистемы целостного мира, собственной логики развития общества, истории и человека, предпринимается попытка элиминировать ценностные установки и предпочтения субъекта, построить концепцию верифицируемого знания и категориально-понятийную матрицу социума. Такой подход, родоначальниками которого в XIX в. стали Сен-Симон, Кант, Маркс и Энгельс, Спенсер и др., сближает социальную философию с теоретической социологией и сопряженными дисциплинами (политической экономией, антропологией и т. п.).

На определенной стадии развития конкретно научная рефлексия над обществом с необходимостью переходит на уровень философской рефлексии, когда выстраиваются различные исследовательские программы в обществознании, предлагаются альтернативные модели философии истории, фило-

софии морали, философии искусства, философии власти, философии религии, обосновываются критерии стратификации, рассматриваются проблемы и типы цивилизационной динамики и культуротворчества, появляются разнообразные футурологические модели развития человечества. Названные проблемы и понятия составляют категориальную матрицу и исследовательское поле социальной философии или философии общества. Центральным понятием социальной философии является общество в различных его измерениях, выступающее в процессе философской рефлексии как социальное бытие, а учение о нем как социальная онтология.

Как теоретически обоснованная система философских знаний на существование и развитие общества и человеческой истории социальная философия формируется в период становления дисциплинарно организованной науки, начиная с конца XVIII — первой половины XIX в., когда возникают попытки построения систематического обществоведения. К этому времени сложились многообразные теоретико-методологические парадигмы (или исследовательские программы) как системы принципов, идеалов и норм, определяющих механизмы описания и объяснения общественных явлений, критерии научности в их познании и прогнозировании, выступающие в силу своей интегративности трансляторами социально-философского знания в сферу конкретно-научного знания, а через него способствующие приданию смысла деятельности практического мышления в экономике, политике и других сферах социальной жизни.

С точки зрения наработанных в философии и науке синергетических подходов общество и человеческая история характеризуются как сложноорганизованная саморазвивающаяся открытая система, включающая в себя отдельных индивидов и социальные общности, объединенные

кооперативными, согласованными связями и процессами саморегуляции, самоструктурирования и самовоспроизведения.

Общество и человеческая история как сложноорганизованная саморазвивающаяся система обладают специфическими чертами.

Человеческую историю и общество отличает исключительная динамичность, незавершенность и альтернативность развития. Причем, если проблема выбора вариантов развития в других областях осуществляется естественным образом в процессе самоорганизации природного бытия и без наличия человека, то в истории, обществе главным действующим лицом и «дирижером» выбора является человек. Выбор того или иного пути развития является своеобразным связующим звеном между прошлым, настоящим и будущим.

Важнейшей особенностью человеческого общества и истории является непредсказуемость, нелинейность развития. Наличие в обществе большого количества подсистем, постоянное столкновение интересов и целей различных людей создает предпосылки для реализации различных вариантов и моделей будущего развития общества. Как только в обществе начинают предприниматься попытки реализовать в жизнь, в практику одну из моделей развития, претендующую на статус «единственно правильной и научной», общество становится «закрытым», т. е. таким обществом, которое не допускает плюрализма в экономике, политике, культуре, в котором неизбежно развитие тоталитаризма, примата общества над индивидом, идеологического догматизма, противопоставление себя всему остальному миру. Вместе с тем непредсказуемость, нелинейность развития общества не означает, что ученые вообще не могут строить модели социального прогнозирования. Напротив, проведение работ в сфере глобального моделирования, построение компьютерных моделей мира, обоснование возможных вариантов развития социальной системы в самых ее различных областях — вполне рациональный и необходимый, особенно в современных условиях, акт. Социальный мир не является абсолютно произвольным и неуправляемым.

Общество и история отличаются и особым статусом субъектов, определяющих их развитие. Человек является универсальным компонентом социальных систем, включаясь в каждую из них. За противостоянием идей в обществе и истории всегда скрывается столкновение определенных потребностей, интересов, целей, воздействие таких социальных факторов, как общественное мнение, официальная идеология, политические установки и традиции.

Неизбежная и острая конкуренция интересов и устремлений субъектов человеческого общества определяет селективную деятельность по выбору тех или иных средств и аргументов для обоснования отстаиваемой идеи, концепции, способной привлечь внимание других людей, послужить мотивом их социальной активности. В связи с этим в обществе очень часто происходит столкновение альтернативных идей, осуществляется острая полемика.

Человеческое общество отличается большим разнообразием различных социальных структур, систем и подсистем. Это не механическая сумма индивидов, а сложная система, в которой формируются и функционируют различные общности и группы, большие и малые — роды, племена, классы, нации, семьи, коллективы и т. д. В соответствии с этим общество имеет сверхсложный и иерархический характер: различного рода подсистемы в нем свя-

заны соподчиненными отношениями. Вместе с тем каждая из подсистем обладает известной степенью автономии и самостоятельности.

Общество не сводимо к людям, его составляющим, — это система вне — и наиндивидуальных форм, связей и отношений, которые человек создает своей активной деятельностью вместе с другими людьми. Эти «невидимые» социальные связи и отношения даны людям в человеческом языке, в различных предметах и поступках, программах деятельности, поведения и общения, без которых люди не могут вместе существовать. Общество обладает интегративным качеством, присущим ему в целом и не свойственным отдельным образующим его компонентам. Человек, живущий в обществе, поэтому чаще всего поступает как «надо», как принято в соответствии с нормами коллективной культуры и истории. Это вместе с тем не

становится преградой на пути к осмысленным поступкам, сознательному выбору человека, созданию новых образцов поведения с попытками оставить след в человеческой истории.

Важнейшими чертами общества и человеческой истории является их самодостаточность, т. е. способность людей своей активной совместной деятельностью создавать и воспроизводить необходимые условия собственного существования. Это целостный единый организм, в котором тесно переплетены и не функционируют в отрыве друг от друга различные социальные группы, самые разнообразные виды деятельности, обеспечивающие жизненно необходимые условия существования не «в одиночку», а совместными усилиями. Общество и человеческая история — это продукт совместной кооперативной деятельности людей, где ни один из ее видов не может функционировать вне взаимодействия с другими видами деятельности, группами, коллективами, что и создает предпосылки и условия жизнедеятельности общества. Так меняется общество и история. А изменившееся общество начинает формировать людей «под себя», т. е. тех, кто способен воспроизводить и сохранять это общество, создавать человеческую историю.

При построении различных моделей развития общества и человеческой истории, при вмешательстве (даже слабом) человека в характер развития социальных процессов (например, возникающих на национальной или религиозной почве) необходимо обязательное осмысление последствий такого вмешательства. Исследование общества, общественных процессов нуждается во всестороннем «проигрывании» возможных вариантов развития социальной системы и выявления причин ее неустойчивости.

Необходим и анализ возникающих вопросов и возможных ответов. «Что произойдет, если..., какой ценой будет установлен порядок, какие послед-

ствия вызовет такое слабое воздействие на систему, как..., какова значимость того, что погибнет и что возникнет, если...» Такого рода вопросы свидетельствуют о необходимости отказа от позиции беспрекословной «манипуляции» и жесткого контроля над социальными системами. Если бы мы почаще ставили подобные вопросы, прежде чем принять решение вмешаться в тот или иной процесс, происходящий в обществе, тогда, быть может, в нашей истории было бы меньше трагических страниц, безвременно загубленных жизней, нереализованных целей.

В настоящее время классическая философия истории, движимая идеей прогресса, утратила свою актуальность как в силу исчерпанности «проекта модерна», так и из-за постмодерного разрушения «исторического сознания». Ряд исследователей описывал крах классической философии истории как конец философии истории как таковой. Концепции «заката Европы», «конца истории» (Фрэнсиса Фукуямы), постистории и в самом деле заставляли задаться вопросом: имеет ли право на существование философия истории? Однако на самом деле мы имеем дело с подспудной актуализацией философии истории и превращением ее в важное направление европейской философской традиции.

Реактуализация философии истории, однако, происходит со смещением фокуса основной проблематики. Если для классической философии истории одной из самых обсуждаемых проблем была проблема статуса истории как науки и примыкающая к ней тематика онтологических вопросов исторического процесса, то для современной философии истории основными стали вопросы вариативности исторического знания и связанная с ними проблематика повествовательного характера исторического дискурса.

Предпосылки актуализации данной проблематики оформились уже в первой половине XX в. в рамках методологии исторической науки, отталкивавшейся, прежде всего, от теории познания немецкого неокантианства. Так, Макс Вебер (1864—1920), основываясь на различении ценности и оценки, произведенном Генрихом Риккертом (1863—1936), первым обратил внимание на роль многообразия субъективных ценностей и роль «ценностных предпосылок» в научном исследовании. В бесконечном многообразии, хаосе событий и действий значимой для исследователя является лишь часть реальности. Существенное от несущественного он отделяет лишь в свете собственных культурных ценностей.

Карл Раймунд Поппер (1902—1994) в своей широко известной работе «Открытое общество и его враги» (1945) конкретизировал эту идею применительно к историческому знанию. Он четко сформулировал взгляд на ис-

торические теории как на «интерпретации», выражающие точку зрения историка.

Робин Джордж Коллингвуд (1889—1943) в посмертно изданной «Идее истории» (1946) не только отстаивал право историка на «отбор, дополнение и критику» материалов источника, но и высказал значимую для последующего философско-исторического дискурса идею о роли воображения в историческом повествовании. Лишь воображение историка, «заполняя лакуны в рассказах источников, придает историческому повествованию непрерывность»¹.

Однако подлинная актуализация проблемы повествовательного характера исторического дискурса произошла в середине шестидесятых годов благодаря исследованиям философа аналитической традиции Артура Данто. Он обосновал роль повествовательного элемента в работе историка. Историографический феномен — не простая регистрация материала, не его полный и симультанный учет в некоей «идеальной хронике», но описание, имеющее структуру повествования. Эта структура задается тем, что история всегда пишется «задним числом». «Идеальный хронист» не может знать будущего. Его знает только историк. Повествовательные предложения историка всегда связаны с его временной позицией. Более того, в нем подразумеваются три временных позиции: 1) позиция описываемого события; 2) позиция события, относительно которого оно описывается; 3) позиция нарратора².

В своей программной работе 1973 г. американский исследователь Хейден Уайт (р. 1928) развил и дополнил идеи Данто соображениями, почерпнутыми из литературоведческих исследований. Проблему соотношения исторического рассказа и объективного ряда событий он решил как проблему форм выражения. Уайт первым обратил внимание на то, что только лишь с обретением историей статуса научной дисциплины в XIX в. историография утратила свои тысячелетние связи с риторикой и литературой. По Уайту, к литературному аспекту историографии необходимо относиться серьезно, так как сама цельность исторических фактов конструируется по законам художественного текста. Исторические события не представляют собой реальной истории, которую надлежит «вскрыть», а повествование — нейтрального «контейнера». Существует ограниченный набор 1) вариантов построения сюжета, 2) способа аргументации, 3) вариантов идеологических позиций. Именно выбор различных выразительных техник придает историческому событию трагизм или комизм, выпячивает либо затушевывает его³.

Популяризации взгляда на историю как на лингвистический и риторический артефакт способствовал так называемый «нарративный поворот» в

гуманитарном знании, подготовленный конгенными усилиями теоретиков литературы, философов, этнографов, теологов и психоаналитиков, в результате которого понятие нарратива как особой эпистемологической формы, организующей специфические способы нашего эмпирического восприятия, получило расширительное толкование.

Идея нарративного характера исторического дискурса обрела свой завершённый вид в концепции французского герменевта Поля Рикёра (р. 1913). В работе «Время и рассказ» (1985) Рикёр описал нарративный дискурс в целом как раздвоившийся на историографию и художественную литературу. Характер самой истории он определил как исключительно повествовательный, что не означает сознательного нарративизма историков. Напротив, историография (особенно французская) стремится порвать с когнитивными операциями нарративного понимания. Но любая история, даже наиболее удаленная от повествовательной формы, сохраняет свою связь с нарративным пониманием, будучи производной от него, так как ей всегда присуще конструирование исторического времени⁴.

Изучение проблемы нарративного характера исторического дискурса является актуальным направлением современной западной философии истории. Рассматривая исторические теории как интерпретации, выражающие точку зрения историка на объективный ряд событий, исследователи настаивают на том, что история доступна человеку только в заданном культурной традицией форме рассказа о ней.

В философии общества и истории сформировались различные подходы относительно вопроса об источниках и противоречиях социальной динамики — от роли духовных смыслов в изменении социума до материальных факторов. Так, для марксистской традиции характерно видеть источник социальных трансформаций в возрастании человеческих ценностей, а механизм

изменения — в противоречии между производительными силами и производственными отношениями. Альтернативная точка зрения ищет источник социальных изменений в сфере духовных смыслов, изменении религиозно-этических установок (М. Вебер), изменении культурных систем, философских воззрений на окружающую действительность (П. А. Сорокин).

В реальном пространстве-времени борьба противоположностей — лишь самый разрушительный способ устранения противоречия. Реальной борьбы противоположностей можно избежать посредством моделирования ее в диалоге, позволяющем, по выражению К. Поппера, гибнуть теориям, а не их сторонникам.

Социальный конфликт, как один из видов социального отношения, заключается в противостоянии отдельных индивидов или групп людей, борющихся за реализацию своих интересов. По своим содержательным характеристикам социальный конфликт противоположен таким явлениям, как социальное согласие (консенсус), сотрудничество, гармония, социальный порядок. В противоположность идеальным моделям бесконфликтного гармоничного общества, реализуемого, с точки зрения их сторонников, в отдаленном будущем или в «граде Божиим», реалистические концепции представляют конфликт как неустрашимый, постоянный элемент социальной жизни, проявляющийся в своих «слабых» формах в виде соревнования, состязательности, инициативности. В соответствии с этим выделяются различные формы социального конфликта, его фазы и средства, используемые конфликтующими сторонами: прямое насилие, принуждение, обман, ориентация на использование ненасильственных методов устранения социальных конфликтов и достижение согласия.

При объяснении природы и причин социальных конфликтов в социальной философии сформировались два подхода: ресурсный подход, в основе которого решающая роль отводится материальным компонентам в целеполагающей деятельности конфликтующих субъектов (богатство, собственность, власть и авторитет, обеспечивающие доступ к многообразным ресурсам); ценностный подход, настаивающий на решающей роли в противостоянии сторон ценностных ориентаций и установок, идеологических, нравственных ориентиров. В реальных ситуациях социального конфликта, как правило, переплетаются мотивы как ресурсного, так и ценностного характера.

Некоторые авторы (П. А. Сорокин) причины конфликтов видят в характере неудовлетворенных «базовых» потребностей, не осмысленных рационально, но связанных с инстинктами (самосохранение, самовыражение, потребности в пище, жилье, одежде, свободе, половой инстинкт). Другие же авторы (М. Вебер) связывают конфликты с проблемой власти, рассматривая социальный конфликт в рамках отношений господства и подчинения.

Для европейского капиталистического общества XIX в. был характерен биполярный классовый конфликт между предпринимателем и рабочим. После Второй мировой войны социальная жизнь стала более объемной, сложноорганизованной, не сводимой к промышленному производству в качестве основы. Для разрешения социальных конфликтов появились различного рода институты (индустриальная и парламентская демократия, судебные инстанции, различные комиссии), призванные находить механизмы согласования

интересов различных социальных групп, предотвращения конфликтных ситуаций на основе принципов законности, признания интересов разных групп (этнических, гендерных, демографических).

Существуют различные пути, способы, формы разрешения социальных конфликтов: так называемое «избегание», откладывание разрешения конфликта; сближение противоборствующих сторон через посредника; третейское разбирательство или арбитраж; наконец, переговоры конфликтующих сторон на основе баланса интересов различных социальных групп (этнических, гендерных, демографических и др.), партий, государств.

В историческом развитии общества конфликты часто являются следствием проявления социального насилия. Социальное насилие олицетворяет проявление агрессивности, деструктивности в обществе, означает применение или угрозу применения силы в прямой или

косвенной форме с целью принуждения людей к определенному поведению, господство одной воли над другой, иногда угрожающее человеческой жизни.

Динамика социальных отношений демонстрирует, к сожалению, постоянный рост потенциала насилия. Уже в традиционных обществах насилие выступало в форме непосредственной реакции на «чужого», вплоть до его уничтожения. В индустриальном обществе на передний план выступают скрытые формы насилия, где инструментом насилия становится интеллект, информация, высокоорганизованные технологии и т. п. В новоевропейской традиции силовой подход сначала распространяется на природу (природа рассматривается как мастерская для силового манипулирования и подчинения человеку), а затем переносится на общество, в результате чего насильственная социальная революция рассматривается как способ переустройства общества, фактор социального прогресса и путь утверждения общества без насилия. Масштабный всплеск насилия и жестокости в XX и начале XXI в. выявил ограниченность социально-классовой трактовки насилия и необходимость анализа более глубоких его причин, связанных с человеческой природой. В этом контексте, отталкиваясь от ранее возникших идей о насилии как присущей психологии человека особенности (напр., в концепции Т. Гоббса и др.), были раскрыты некоторые механизмы проявления присущих человеку форм насилия: как защитная инстинктивная реакция организма на среду (Лоренц), как проявление бессознательных устремлений человека (Ницше), как наличие внутренней агрессивности человека (Фромм).

История показывает, что хотя насилие в ряде случаев и оправданно, например в случае сопротивления агрессору и т. п., оно в конечном счете носит деструктивный характер, способствует деморализации общества, росту

проявлений негативных сторон человеческой природы, отбрасыванию общества назад. Широкие проявления насильственных действий особенно опасны в современном мире, когда человечество накопило огромный арсенал смертоносного оружия, технико-технологических систем, угрожающих в случае их насильственного использования жизни не только отдельных людей, но и всего человечества. Поэтому закономерным результатом поиска иных альтернативных насилию стратегий поведения являются идеалы компромисса, диалога, сотрудничества и ограничения деструктивных начал человека.

Концепции насилия в современной социальной философии и философии истории противостоит концепция ненасилия как оппозиция насилию в любых его формах проявления, представляющая собой и соответствующую идею, и образ жизни, и специфический тип умонастроения. В основе концепции ненасилия — особое отношение к человеку как высшей ценности мира, а также такие нравственные принципы, как милосердие, терпимость, взаимопонимание, сочувствие, соучастие в противоположность насилию, господству, подавлению, подчинению, деспотии. В той или иной степени идеи ненасилия предлагаются всеми религиями и культурами мира. Концепция ненасилия развивалась Л. Толстым в форме идеи непротивления злу насилием. Он отмечал, что тот, кто хоть раз испытывал радость отплатить добром за зло, тот никогда уже не пропустит случая получить эту радость. Для М. К. Ганди (1869—1948) идея ненасилия это не только этическое учение, но и соответствующий ориентир общественно-политического движения. Основные методы воздействия для Ганди это убеждение, уступки, честность, сотрудничество, прощение вместо мести и кары. Этот путь — проявление величайшей мудрости и силы, он связан с лишениями, страданиями и даже смертью во имя справедливости.

Мартин Лютер Кинг (1929—1968) разработал практическую сторону идеологии ненасилия и предложил шесть принципов ненасилия: ненасилие — метод борьбы и требует мужества. В борьбе нельзя унижать противника. Ненасилием боремся со злом, а не с теми, кто его совершил. Вставший на путь ненасилия должен быть готовым принять страдание и не стремиться ответить ударом на удар. Духовное насилие так же недопустимо, как и физическое. Справедливость — одно из вселенских начал. Содействуя справедливости через любовь и ненасилие, мы вносим свой вклад в гармонию Вселенной.

Традиции ненасилия как оппозиция жесткой рациональности в западной философии представлена в «диалогической философии» (Бубер, Бах-

тин, Эбнер, Мейер), в этике товарищества по существованию (Гвардини) и благоговения перед жизнью (Швейцер), в экологической этике (Леопольд, Шепард), в программах коммуникативной рациональности (Хабермас, Апель), в религиозных концепциях «интегрального гуманизма» (Маритен) и др.

В конце XIX, в XX в. и начале XXI в. достаточно четко проявились и проявляются интеграционные тенденции в развитии мировой истории, обозначаются «точки соприкосновения» и взаимовлияния отдельных цивилизаций. Теперь проблемой и задачей стал мир в целом, происходит полное преобразование истории, земной шар стал единым, обнаруживая новые опасности и возможности, все существующие проблемы стали мировыми. Перед современной философией истории в соответствии с этим встают насущные задачи по обоснованию новых ориентиров и стратегий цивилизационного развития человечества в контексте диалога между различными народами и религиями, мирного, коммуникативного решения возникающих конфликтов и формирования идеалов ненасилия и согласия.

¹ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории // Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 224.

² Данто А. Аналитическая философия истории. М., 2002. С. 21.

³ Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в. Екатеринбург, 2002. С. 25.

⁴ Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. М.; СПб., 1998. С. 109.